

● Воскресное обозрение

ВСЕМИ ЗАБЫТЫЙ

Мы собирались поговорить о культурных ценностях, старине, современности и средних вкусах, но остановились у сводной афиши. Наметанный глаз ловца сенсаций выискивает в каждом театре Тот Самый спектакль, и начинается увязывание «Дульсиней Тобосской» с «Петербургскими сновидениями». Видел — не видел, попал — не попал. А мимо проносятся клеточки, заполненные пять, десять, пятнадцать лет назад. Спектакли, которые когда-то не видел, на которые когда-то не попал. А потом они вышли из репертуара разговоров у сводной афиши. «Всеми забытый» в ЦТСА — времена Назыма Хикмета, стихи которого я тогда читал и теперь все еще помню («От слез, от слез превратилось в яд этой ночью мое вино»), а пьесу тогда не видел. А почему теперь не смотрю? А и сам не знаю.

Вокруг старых спектаклей нет разговоров, и голос публики, которая их смотрит, не звучит в печати. Но ведь смотрит же их кто-то. И кто-то с них начинается, для кого-то они и есть премьеры.

Вчера мы с одним молодым актером перемывали косточки «старикам», и оказалось, что оба мы любим Всеволода Якута с его странной повадкой, с его особой манерой речи, которую мы оба наперегонки воспроизводили, с его святой актерской наивностью и почти акробатической точностью внешнего рисунка. Я вспоминал, как он феноменально падал в обморок от любви в «Укрощении укротителя», а собеседник — как он все еще феноменально скатывается с лестницы, играя старого маразматика Кучумова в «Бешеных деньгах». Но Якут играл Кучумова и тогда, когдашло «Укрощение укротителя». И специально для Якута включают ермоловцы изредка в афишу пьесу Хикмета «Чудак», потому что Якут уж очень там хорош. А я не видел и «Чудака».

Во многих странах нет постоянных театральных трупп или их там очень мало. Актеров собирают для одной постановки, и они играют спектакль, пока ходит публика. А потом их распустят, и каждый будет ждать новых приглашений. В такой системе есть свой резон: режиссер, собираясь поставить новую пьесу, распределяет роли не среди двадцати—сорока актеров данного театра, как у нас, а среди нескольких тысяч, имеющих в стране, — конечно, так легче найти подходящего исполнителя. Но что хорошо для каждого отдельного спектакля — не всегда хорошо для театральной культуры в целом. (Поэтому в Англии, в Италии, постепенно и в Америке стабильные театры, называемые еще репертуарными, организуются все чаще, их пропагандируют, за них борются).

Московская сводная афиша сама по себе, отдельно от перечисленных в ней спектаклей, есть документ театральной цивилизации, подлежащий оценке.

Когда-то были сплошные аншлаги на «Смерть Иоанна Грозного» в ЦТСА; теперь, наверное, попасть нетрудно. А я, помню, опоздал после антракта на свои места, билетерша загнала меня на балкон, и там я обнаружил, что с балкона этот спектакль выглядит иначе, чем из партера. Режиссер Хейфец расставил маленькие фигурки актеров на огромной сцене (построенной с расчетом на военный репертуар, чтобы и конницу можно было выпустить, когда потребует боевая обстановка) так, чтобы играла и пустота. Как в драме настроений важны паузы, как в графике и полиграфии белая бумага входит своей незаполненностью в композицию рисунка и текста. Из партера все это не было так понятно и интересно. К тому же акустика в этом театре, как известно, не имеет себе равных, и если в партере слова иногда уходят куда-то в сторону от вас, то на балконе они звучат звонко и чисто, как в горах. Туда я и пойду — не в горы, а на «Грозного».

Сюрприз афиши — гастроли армянского театра. Не факт приезда, и не репертуар, в котором мы, как всегда, находим «Отелло» (о ереванском «Отелло» есть даже целая книга, причем замечательная, — «Образ и эпоха» Ю. Юзовского), а то, что они нам собираются показать «Дело». Это мы им должны были бы показать одну из самых потрясающих русских пьес, какая только есть на свете, — но вот, как хотите: в Москве не идет из трилогии Сухово-Кобылина ничего. Как читатель, я это «Дело» знаю чуть не наизусть (про богиню правосудия, Фемиду-то, у которой весы и меч: «Ну, мечом-то она, положим, сечет, а весы на что? — А на весах, варварка, торгует. — Вот он антихрист, действительный статский советник»), а на сцене не видел.

Ну, пусть. Я и еще многого не видел. И вы тоже. А потом нам говорят на премьере — этот спектакль потому такой, что в этом театре вообще происходит то-то и то-то; а этот актер, видите, как вырос; а эта актриса, видите, как изменилась. А мы гордо (что нам остается, кроме гордости?) отвечаем, что это нам неважно, имеет значение только то, что на бочке, а до истоков нам дела нет.

А мимо проносятся клеточки, заполненные задолго до нас, но живущие рядом с нами. И может быть, нас где-то ждут, а может быть, нас где-то ждет то, чего мы так давно ищем.

А. АСАРКАН.